

НИКОЛАЙ ПОРФИРЬЕВИЧЪ КЛИШЕВИЧЪ
С.-Петербургъ, Забалканскій 5, кв. 17.
Телефонъ № 162-65.

Ред. Изд. „РУССКАГО СТОЛИЧНАГО ВѢСТНИКА“.
Представитель главнаго Агентства
газетныхъ вырѣзокъ въ Россіи
(доставка газетныхъ вырѣзокъ по различнымъ вопросамъ,
аккуратное и точное исполненіе заказовъ).

Порядковый № _____

(высл. Вамъ газетн. вырѣз.).

Ниже обозначено названіе, адресъ и время выхода въ свѣтъ періодическаго изданія, изъ котораго сдѣлана вырѣзка.

Объявленіе Театровъ
С.-Петербургъ, Невскій, 114.

25 АВГ. 1911

Первая гастроль Л. Г. Кякштъ

Малый театръ.

По нынѣшнему глухому времени когда на лицѣ чуть ли не каждаго посѣтителя театра такъ и написано: «я—по контромаркѣ!» — Малый театръ третьяго дня имѣлъ видъ совершенно необычайный: онъ былъ биткомъ набитъ балетоманами всѣхъ ранговъ, положеній и возрастовъ; на каждомъ шагѣ мелькали лица, которые можно встрѣтить только по воскресеньямъ въ Маріинскомъ театрѣ. Больше ни въ какихъ другихъ храмахъ искусства вы ихъ никогда не увидите. Удивительное это существо: балетоманъ! Для него весь театръ на землѣ олицетворяется балериной. И надо было видѣть, какъ вся эта публика томила, пока на сценѣ шель «Оле-Лукъ-Ойе» Н. А. Попова. Тѣ немногіе апплодисменты, которые выпали въ этотъ вечеръ на долю автора, доносились откуда-то сзади, а впереди царствовало гробовое молчаніе, въ которомъ ясно слышалось: «скоро ли вы кончите свою идиотскую канитель и дадите намъ настоящее?»

Наконецъ, разсѣялся дивный сонъ, навѣянный андерсеновыми сказками, исчезли прелестныя декорации Евсеева, на сценѣ повисла какая-то выпѣвѣнная чепуха, невѣдомо что изображающая, и началось «настоящее», явилась

знаменитая гастролерша, Лидія Георгіевна Кякштъ. Она выступила въ двухъ картинахъ балета «Тщетная предосторожность», столь древняго, что никто не помнитъ, когда онъ написанъ, а любители архивныхъ справокъ даже не въ состояніи указать, кто танцевалъ на первомъ представленіи, такъ какъ не сохранилось афишъ; вѣроятно, ихъ съѣла крыса, которая на мой взглядъ допустила грубую ошибку, имѣя слѣдовало съѣсть партитуру балета, да такъ, чтобы его никакъ нельзя было возстановить. Въ мірѣ Терпсихоры стало бы одною ерундою меньше, и Л. Г. Кякштъ, быть можетъ, появилась бы тогда въ чемъ нибудь болѣе существенномъ и болѣе похожемъ на балетъ. Я нахожу, что, пріѣхавъ всего на четыре дня въ Петербургъ, артистка только зря расходуетъ время и силы, выступая подобнымъ образомъ, и кромѣ того еще дразня любопытство публики. Всѣмъ, конечно, очень интересно было посмотрѣть, какъ Л. Г. Кякштъ танцуетъ, какіе успѣхи сдѣлала она за четыре года пребыванія въ Лондонѣ въ условіяхъ вполне самостоятельной работы, когда простора для совершенствованія было хоть отбавляй. И вотъ... о! оцѣните послѣ этого все коварство, на которое способна очаровательная женщина! Она знала, что самое любопытное и этого то и не показала. Двѣ картины «Тщетной предосторожности» были сплошь скучнѣйшей мимодраматической канителью. Выходило очень мило, потому что на сценѣ была красивая изящная артистка, но... все время съ языка такъ и просилось; «да скоро ли ты начнешь танцевать?»... Нетерпѣніе было тѣмъ понятнѣе, что кое-какіе, сдѣланные балериной, танцевальные намеки сулили весьма многое. Но... занавѣсъ закрылся, мы такъ ничего и не увидѣли, если не считать одного номера въ дивертиссементѣ. Къ счастью, онъ значительно исправилъ дѣло. Л. Г. Кякштъ танцевала въ античномъ костюмѣ, вся бѣлая, въ ореолѣ золотистыхъ волосъ, точно фея какого-то сказочно прекраснаго цвѣтка, и была поэзія въ ея граціозныхъ, полныхъ теплой ласки движеніяхъ, и была печать строгаго выдержаннаго искусства на всемъ ея танцѣ, повторенномъ по настойчивому требованію публики. Короткое видѣніе, но красивое!... Болѣе же обстоятельныя сужденія приходится отложить до ея вторичнаго выступленія въ «Лебединомъ озерѣ».

Зигфридъ.